

Цинь Фан с каждым ударом вкладывал в игру всю силу, даже слегка хмурился, и невольно всё раздражение, копившееся внутри, отражалось на его лице, а в глазах вспыхивал гневный огонёк. На душе было скверно, он слишком много думал о Син Янь, поэтому в той или иной степени винил его в том, что их отношения превратились в нечто подобное. Ещё недавно они были не разлей вода, а теперь он в одностороннем порядке изменил характер их связи, а затем так же в одностороннем порядке отдалился, оставив их отношения где-то посередине — не близкими, не чужими, а какими-то неловкими и скованными. Да и всё из-за него, ну зачем он вообще начал этот цирк... Разве им плохо жилось как братьям?

Его подачи Син Янь принимал и возвращал обратно. Син Янь молчал, на лице — привычная холодная невозмутимость, подбородок напряжён, при каждом резком движении на шее вздувались жилы, а взгляд сквозь сетку был прикован к Цинь Фану.

Посылая мяч, Цинь Фан, следя за движениями Син Яня в попытке предугадать точку приземления, нет-нет да и ловил на себе его взгляд. Каждый раз, когда их глаза встречались, Син Янь смотрел пристально, в упор. Мячи его Цинь Фан отбивал, а вот его взгляд выдерживать удавалось не всегда. И чем сложнее было сопротивляться, тем яростнее он вкладывал силы в игру, используя её как способ выплеснуть эмоции.

На последнем мяче Син Янь применил всю свою мощь, и Цинь Фан даже не стал пытаться его отбить, позволив мячу с громким стуком врезаться в стену и отскочить на пол.

Цинь Фан швырнул ракетку на землю и застыл на месте, тяжело дыша; каждый выдох был горячим. Он смотрел на Син Яня, который, сжимая в руке ракетку, стоял по ту сторону сетки, и хрипло спросил:

— Ты так и собираешься теперь?

Син Янь не шелохнулся, тоже стоял на месте, глубоко вдохнул и шумно выдохнул, стряхивая со лба пот, и переспросил:

— Как именно?

От этой игры Цинь Фан окончательно вышел из себя. В обычной жизни он казался покладистым и неконфликтным, но на самом деле был как пороховая бочка — просто с близкими людьми ему не так просто было завестись.

Мяч, оставшийся на площадке, медленно подкатился к его ногам. Цинь Фан с силой пнул его и бросил Син Яню:

— Это что, если я, твою мать, не хочу с тобой мутить, ты со мной больше не хочешь быть братьями?

Между ними было расстояние, но не слишком большое, чтобы не видеть выражения лиц и глаз друг друга. Син Янь видел, как тяжело вздымается грудь Цинь Фана, видел каплю пота, застывшую на кончике его подбородка, и его слегка дрожащие руки.

Син Янь тоже бросил ракетку, перешагнул через сетку и подошёл вплотную к Цинь Фану. Оба сверлили друг друга тяжёлыми взглядами. Цинь Фан вспылil, но и Син Янь был не из робкого десятка. Он вдруг поднял руку, чего Цинь Фан не ожидал, но уворачиваться не стал. Син Янь с силой сжал его подбородок, пальцы жёстко прочертили по капле пота, а подушечки влажно

прошлись по коже.

— Какие ещё, к чёрту, братья? — Син Янь не отпускал его подбородок. Прежде чем ответить, он стиснул зубы так, что желваки на скулах заходили ходуном, и произнёс низким голосом: — Я никогда не воспринимал тебя как брата.

Цинь Фан нахмурился, рука Син Яня причиняла ему боль, но он не отступил ни на шаг.

— С самого начала... я не хотел быть тебе братом, — Син Янь усмехнулся и добавил: — Не будь таким наивным, милышка.

Цинь Фан смахнул его руку, и его глаза от гнева засияли ещё ярче:

— С чего вдруг?

Син Янь ответил:

— Просто так.

Если бы перед ним был не Син Янь — не тот, кто играл с ним в теннис и помогал с задачами, не тот, кто всегда знал, как поднять ему настроение, — Цинь Фан уже давно пустил бы в ход кулаки.

Но сейчас перед ним стоял именно Син Янь, и Цинь Фан как бы ни старался, ударить его не мог — рука просто не поднималась. Его злило не то, что у Син Яня были на него какие-то виды, — нет, сегодня он кипел из-за того, что Син Янь выбрал стратегию холодного отстранения, загнав его в угол. Ему предлагали выбор: либо сделать шаг вперёд, либо шаг назад, но Цинь Фан не хотел ни того, ни другого.

Если бы они не сыграли этот матч, гнев внутри Цинь Фана, скорее всего, копился бы ещё долго; спорт действительно разгоняет кровь и ударяет в голову.

Ярость в глазах Цинь Фана всё никак не утихала, примешиваясь к какому-то неосознанному чувству обиды, ему хотелось лишь спросить, с чего вдруг Син Янь решил так поступать. Син Янь долго смотрел ему в глаза, а потом первым сдал позиции, опустив голову и подняв ракетку.

Когда он вернулся с той стороны, Цинь Фан так и стоял на месте, не двигаясь. Син Янь вздохнул, подошёл и слегка подтолкнул его в затылок:

— Пойдём.

Упрямство Цинь Фана тоже дало о себе знать, он был крайне несговорчив.

Син Янь сказал ему:

— Я же говорил, мне не нужен от тебя ответ.

Цинь Фан отрезал:

— Чушь.

— Что я тебе сделал? — Син Янь приподнял бровь. — Я не ответил на твоё сообщение или что-то ещё?

— Да плевать мне, ответил ты или нет, — ответил Цинь Фан.

— Сейчас мне действительно не нужен твой ответ, — нахмурился Син Янь. — Если бы не тот камень, который я хотел тебе подарить на день рождения, я бы не стал сейчас с тобой говорить.

— Но ты ведь всё равно сказал, — раздражённо бросил Цинь Фан.

— Да, не только сказал, — негромко добавил Син Янь, — я ещё и поцеловал.

...

Цинь Фан онемел, словно ему перекрыли кислород; слова застряли в горле.

— Ты не торопись, подумай. Я же говорил, можешь сказать мне всё что угодно, — Син Янь с ракеткой в руках стоял прямо перед ним. — Я приму любое твоё решение.

Цинь Фан выдавил:

— Ну да, уважение, а потом разрыв отношений.

Син Янь пропустил его слова мимо ушей и продолжил:

— Скажу сразу кое-что наперёд.

Цинь Фан вскинул бровь, ожидая продолжения.

— С того дня ты так и не дал мне чёткого отказа. Ты не можешь решиться, и я не буду говорить почему, сам подумай, когда будешь готов. Я подожду.

Син Янь поджал губы, его взгляд внезапно утратил прежнее спокойствие, а голос стал ещё на пару тонов ниже:

— Но до тех пор, если ты будешь продолжать бегать за девчонками, то последствия я уже не гарантирую.

Цинь Фан нахмурился и холодно ответил:

— Я не бегаю.

— М-м, — кивнул Син Янь. — Знаю, что сегодня не бегал, я про будущее.

Впервые в жизни после игры Цинь Фан чувствовал не облегчение, а ещё большее раздражение, которое только усилилось. Даже физические нагрузки не помогали справиться с этим хаосом в голове — такого с ним ещё не бывало.

Вернувшись, он сразу залез под душ, переоделся и, так ничего и не сделав, лёг спать.

Вернувшиеся соседи удивились, увидев, что Цинь Фан лёг так рано.

— Что случилось, Фан? — спросили они.

— Ничего, — нос у Цинь Фана был слегка заложен. — Просто устал после игры.

— У тебя голос какой-то странный, — подошёл Шэнь Дэнке и, ухватившись за бортик кровати,

заглянул сверху. — Ты не заболел?

— Нет, — Цинь Фан шмыгнул носом. — Всё в норме.

Тогда он действительно убеждал соседа, что всё в порядке, и сам так думал. Но посреди ночи ему приснился дед, и, проснувшись, он почувствовал, что ему нехорошо.

Когда он принимал душ после игры, то не дождался горячей воды — по трубам она доходила не сразу, а он не стал ждать, поэтому сначала пошла ледяная. Не знал, от этого или от того, что, сильно вспотев после игры, он попал под холодный сквозняк, но Цинь Фан болел крайне редко, был довольно крепким, поэтому обычно не обращал внимания на такие мелочи.

Голова стала тяжёлой, дышать стало трудно — ему действительно было плохо.

Заснуть снова не получалось, а бодрствовать в таком состоянии — то ещё удовольствие.

Цинь Фан потянулся за телефоном: два с половиной часа ночи. В это время всё вокруг замирало, в ленте «Моментов» почти никто не сидел.

В Weibo было примерно так же. Цинь Фан пролистал ленту вниз и увидел, что Хань Сяогун выложил сегодняшние фотографии. На одной из них был он сам, улыбающийся в камеру. Цинь Фан шмыгнул носом и подумал: «А брат Фан всё ещё хорош собой».

В комментариях кто-то обсуждал их «пейринг» с Хань Сяогун, кто-то помечал «брата Яня».

Увидев эти упоминания, Цинь Фан снова вспомнил, как Син Янь сегодня сжимал его подбородок, и внутри снова закипела ярость.

— М-м, не только сказал... я ещё и поцеловал.

Эти слова Син Яня вспыхнули в мозгу. Цинь Фан выключил телефон, засунул его под подушку и закрыл глаза.

Какую чушь он только нёс.

— Ой, — как только Хуа Тун увидел Цинь Фана, на его лице отразилось удивление. — Фан, что с тобой?

— Да ничего, — Цинь Фан был в чёрной маске, голос сильно гнусавил. — Просто решил добавить загадочности.

— Забей на этот тон, — Хуа Тун ударил его книгой по плечу. — Простудился?

Цинь Фан буркнул:

— Вроде того.

— Такой здоровяк — и простудился? — Хуа Тун моргнул. — Стал обычным смертным?

— Отвали.

Цинь Фан не хотел с ним разговаривать: в голове словно смешали клейстер, она была такой тяжёлой, что не поднять, веки тоже налились свинцом.

Цинь Фан так давно не болел, что почти забыл, каково это, а сейчас прочувствовал всё в полной мере. Ноющие мышцы и кости, ломота во всём теле — хотелось только лежать и не шевелиться.

<http://bllate.org/book/18141/1744622>